

International

Literary

magazine

НАУМ ВАЙМАН РАЗБЕГ ДЛЯ ВЗЛЕТА

KRESNA
TINKA

Наум
ВАЙМАН

РАЗБЕГ
ДЛЯ ВЗЛЕТА

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВИГ
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Наум
ВАЙМАН

РАЗБЕГ
ДЛЯ ВЗЛЕТА

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(430)-14
В14

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована в 2023 році

Вайман Н.

В14 Разбег для взлета/Н. Вайман — Друкарський двір Олега Федорова
2024 — 144 с.

ISBN 978-617-8252-76-2

Книга избранных стихотворений Наума Ваймана «Разбег для взлета» охватывает всё поэтическое творчество известного писателя и исследователя творчества Мандельштама. В нее вошли стихи из трех сборников, поэмы и переводы с арабского и иврита.

УДК 821.161.1'06(430)-14

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-76-2

© Вайман Н., 2024
© Федоров О. М., видавець, Київ 2024

Посвящаю отцу

Книга первая

БУДТО ВЫЛЕТЕЛО СЕРДЦЕ

Стихи вдруг возникли на втором курсе, от великой тоски. А тоска навалилась оттого, что «сдался», пошел в технический вуз, предал романтические мечты...

Стихи гениальностью не порадовали, но зато стал общаться с такими же молодыми стихоплетами, и это было куда более интересная компания, чем бодрые технари — фанаты авторской песни. Попал на поэтическую студию Игоря Волгина при Московском Университете, там уже обитали будущие классики: Алексей Цветков, Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев.

После переезда в Израиль издал сходу первую книгу, сборник стихов. Приятель, издававший порнолитературу, предложил бартерную сделку: книжка обойдется в тысячу долларов минимум, но если напишешь мне какой-нибудь порнографический романчик, издам бесплатно. Я ему и накатал про всякие приключения на первом курсе института. Думаю, что это было самое успешное мое произведение. По нему разве что оперу не поставили. В общественных библиотеках я находил эту книгу (название не скажу, стыдно) зачитанную до обкусанных страниц и замусоленных обложек. Ну и сборник вышел: «Будто вылетело сердце». Сентиментальненько... ну и пусть.

После этого я лет пять стихов не писал, как отрубил. Но потом, к удивлению, вновь пошли. Даже на второй сборник собрал. Назвал его просто: «Стихотворения». А потом и на третий набежало года за три. Назвал его «Левант». Вышел в 1994-ом. Тут ключ каспальский иссяк. Остались какие-то капельки.

Потом я долго ничего не писал, и только приближаясь к пятидесяти, издал первую книгу прозы...

Ну а теперь, оглянувшись, удивился, что когда-то рождались стихи, и решил их собрать и издать. Как памятник. Может, тропа к нему и не образуется, но я не для тропы, для себя. Для своей тоскующей тени...

Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный¹.

¹ Пушкин, «Быть может уж недолго мне...», 1825.

1968-1970

* * *

Точила осень третий Рим.
Листва кружила. Выли ветры.
А мы на дачах пили в дым
И распевали песни ретро.

Уже предчувствуя беду,
Предвидя время разрушений.
Мы все бродили, как в бреду,
Ища спасительных решений.

Но что могли мы предложить,
Какие прочные основы?
Только кружить, кружить, кружить,
И уноситься ветром снова.

* * *

Распахнуло утро дверцу
Блещет мокрая трава.
Будто вылетело сердце
И теперь — ищи слова.

На забор слетит ворона,
Повернет свой профиль строгий —
Слышишь, слышишь, как неровно
Дышит ясень у дороги?

На протянутую руку,
На простертую ладонь
Льется медленно, без звука,
Листьев гаснувший огонь.

Распахнуло утро дверцу,
Солнца тихие лучи.
Будто вылетело сердце,
А теперь ищи-свищи.

* * *

Тает лес в тумане.
Ветерок с болот
Раздувает пламень
Тусклых позолот.

В опустевшей роще
Тихо и светло.
Голых веток росчерк
Теребит стекло.

От росы осенней
Тяжелы кусты.
На погосте временем
Скошены кресты.

Редко крики птичьи.
Воздух сыр и свеж.
Кто мне шепчет притчи
Утренних надежд?

* * *

Проносятся стаи.
Качается лес.
И песня простая
Холодных небес.

Отрава объятий
И времени яд.
Тщета всех проклятий
И тщетность всех клятв.

Тщета всех усилий,
Тщета всех молитв.
Всех взятых бастилий,
Всех выигранных битв.

Проносятся стаи.
Качается лес.
И песня простая
Холодных небес.

* * *

Облетает пух
С тополей
И летит в глаза,
Дуралей.

Будто снег идет
Вдоль аллея,
Облетает пух
С тополей.

Детский смех и крик,
Канитель.
Это снег искрит —
Жгут метель.

* * *

Пустая дача. Мокрый снег.
Чужая женщина в постели.
В окно стучится ветка ели.
И нет надежды на побег.

Черны предзимние поля.
Житъя заученные роли.
Вокруг родная поневоле
Обетованная земля.

Мы к ней привязаны навек.
Дубовый стол, буханка хлеба.
И взгляд из-под тяжелых век
На проплывающее небо.

Еще туман на берегу.
То ль сплю я, то ли вспоминаю?
Цепочка листьев золотая
Мерцает в тающем снегу.

* * *

Ужель другого нам не надо?
И, ненавидя, раб я твой?
Какая странная награда —
Любить тебя с такой тоской...

Роса. Туман. Конец дороги.
Овраг, засыпанный листвою.
Но безутешен твой покой —
Предтеча смуты и тревоги...

Пустынность неба надо мною.
Да перекличка журавлей.
И веет новою зимою
От костенеющих полей.

И все тоскливей взгляд девичий,
Объятье судорожной, злей..
Все дальше, дальше угол птичий
Над караулом тополей...

* * *

Уйти! Сломать судьбу!
Пройти сквозь сеть.
Сорваться, как табун
в глухую степь...

Уйти, чтобы не спать,
Чтобы не тлеть,
Уйти, чтобы не ждать,
Чтобы владеть.

Уйти, чтобы не ныть,
Чтоб не предать.
Уйти, чтоб позабыть,
Чтобы не знать!

Уйти!
Не мысль, а страсть!
Уйти — себя украсть.
Уйти не чтоб найти,
А чтоб бежать.
Бежать...

1972-1975

* * *

Стояла осень. Утром ранним,
Забыв накинуть дождевик,
Как на последнее свиданье
Я выбегал на птичий крик.

Хрустела лужа у порога.
Слепая даль была светла.
Окаменевшая дорога
К забытой пристани вела.

Погост, забытый у дороги.
Звенит фарфоровый венок.
*Лишь тот божественно свободен,
кто бесконечно одинок, —*

Глаголет надпись. И осока
Танцует с ветром у реки,
А небо долго и высоко
Переплывают косяки.

* * *

Моя прогулка одинока.
Еще туман лежит окрест.
И косяки летят высоко
В печальной благости небес.

Текут, текут неторопливо.
Протяжны крики вожаков.
Душе высоко и тоскливо
Как было испокон веков.

Они трепещут в небе голом,
Поднялись в бездну налегке.
А я кричу и плачу соло
В метафизической тоске.

Она не знает утоленья.
И с запрокинутым лицом
Стою я в благости осенней,
Как перед Сыном и Отцом.

* * *

Люби меня, хоть ты меня люби!
Ведь в этом, черт возьми, твое предназначенье!
Не оставляй, упрячь, не погуби,
Избавь меня от участи осенней.
Ты посмотри, какие льют дожди!
Ты посмотри кругом — какое бездорожье!
Не уходи, постой, ну подожди...
Мы с одиночеством должны быть осторожней.
Укрой меня, хотя б из доброты.
Меня забил озноб от участи осенней.
Люби меня, люби меня, хоть ты!
Ведь в этом, господи, твое предназначенье...

* * *

Мы от Михайловского замка
Проходим через Летний сад.
Твоя фигурка импозантна,
А я насмешлив и усат.

День уклоняется к закату.
Листва вплелась в узор оград.
Дворец завесили плакатом,
Прикрыли нимфам голый зад.

А небо низкое покато.
И грозен туч его парад.
Здесь пару дней тому назад
Буянил ветер вороватый.

И даже выпал снег, но стаял.
И холод в воздухе витает.
И мы с тобой уже дружны,
Уже друг другу не нужны.

* * *

Весенней меланхолии парад.
Еще горда собою обветшалость,
Передо мной кокетничает малость,
Волною треплет струны колоннад.

Как вена вспухла мутная река.
Базарят птицы, лопаются почки.
Гуляка-ветер гонит облака
И задирает девичьи сорочки.

Река времен свершает поворот,
С моей судьбой играя на арапа.
Чужая вечность жмурится, как кот,
И прячет когти в каменные лапы.

* * *

Такого лета не бывало!
Листою ржавою мело,
Земля от зноя изнывала,
И солнце красное цвело.

Степная сушь, как вражья сила,
Летела с юга. Город чах.
Жара, как ненависть душила,
Песком скрипела на зубах.

Как в кольцах сытого удава
Лежала родина в пыли,
И от заставы до заставы
Рвались и выли кобели.

Горело где-то мелколосье,
Стекала брага по усам,
Давно заезженная песня
Бросала вызов небесам.

И были женщины доступны,
Как перед долгою войной,
И сладок был, как запах трупный,
Дымок отечества родной.

* * *

Увы, как быстро отлетает
Дыханье наше на ветру.
Я, призадумавшись, срезаю
Ножом древесную кору.

В лесу дымит осенний ладан,
Струится утреннею мглой.
Какая странная отрада
Шуршать опавшею листвою...

Проковылял старик-лесничий.
За лесом вдруг — разбег полей.
И пролетает угол птичий
Над караулом тополей.

На неба сереньком подоле
Заметен долго птичий лёт.
И сердце бьется поневоле,
Как рыба глупая об лёд.

* * *

Старый пес лениво лает
На осенний карнавал:
Пьяный ветер, пролетая,
С рощи платьице сорвал.

Под тальянки переборы
Песня душу тербит.
И рябина вдоль забора
Красной ягодой рябит.

Ох, уж это бабье лето —
Ненасытная пора!
Коли песенка не спета,
Загуляем до утра.

А к утру над нами стаи
Перелетные кричат.
И в сырую землю рая
Глухо яблоки стучат.

1976-1978

* * *

На крупах медных буцефалов
Растаял снег, и вдоль дворцов
Уже последних невских льдов
Плывет нарезанное сало.

А шпили блещут на закате,
И принимают льдин парад,
Скользящих в медленном накате
По отраженью колоннад.

Нелепа мстительность лица.
И уж тем более нелепо
Из-за любви к началу века
Не замечать его конца.

С утра фабричные девицы
Смеются громко у реки,
И юнги вышли покадриться,
Румяны, словно колобки.

И полусвет загар весенний
Беспечно ловит у куртин,
Понабежав на воскресенье
Из царскосельских палестин.

Оставь задумчивые позы,
И тон презрительный оставь,
И не считай, что наша явь
Достойна лишь унылой прозы.

Учись у старых ловеласов
Пренебрегать борьбою классов,
Легко пленяться и пленять,
И на деспотов не пенять.

* * *

Однажды ночью я шагал
Через дворцовую к Сенату.
Ворчала черная вода
В своих гранитных казематах.
А стайки юношей кудлатых,
Частично даже бородатых,
На безмятежных площадях
Паслись, горланя и чудя.

Столица области. Юнцы
В пылу блаженного безделья
Сосут стеклянные сосцы
Невинно-водочных изделий.
Проблема «дети и отцы».
Гитары треск, на шее крест,
Сошлись со всех окрестных мест
На самодельном на английском
Свой неосмысленный протест
Пропеть. А столп Александрийский
Сей бунт плебейский озирает
И откровенно презирал.

* * *

Прошли суворовцы и танки,
Прошел районный партактив,
И, отстояв свой норматив,
Вожди разъехались на пьянки.

Со всех подходов к цитадели
Снимали частые посты,
И ветер, маясь от безделья,
Гонял бумажные цветы.

Уже погасло солнце в окнах,
Сползло с высоких куполов.
Затрепетали на полотнах
Борцы за равенство полов.

Уже рабочее крестьянство
На город шло, как татарва,
Вступая с визгом и тальянкой
В свои народные права.

Неслась калинка да малинка,
Плясала девка с пареньком,
Москва гуляла по старинке,
С лихим кабацким огоньком.

Гремел салют, сияли дали,
И в блеске пуговиц и блях
Менты как статуи стояли
В парадных белых кителях.

* * *

Она сидела у окна
И в даль дождливую глядела.
Ее лицо в окне летело
По мокрым рельсам полотна.

И до того была одна —
Платформы с лаем рвались мимо —
И так надменно холодна,
Хоть ставь клеймо: «легко ранима».

В пальтишко старое одета,
Держалась полпути на «вы» —
Добыча легкая, увы,
Для хладнокровного поэта.

Когда мы вышли в тамбур зыбкий,
Чтоб покурить на сквозняке,
Хватило ласковой улыбки,
Прикосновения к руке.

И на одном из перегонов
Вас просто бросило ко мне
Под песню скачущих вагонов
И ветра в выбитом окне.

* * *

Черный хлеб и кружка водки.
Небо пасмурно. Зима.
Перевернутые лодки
И озябшие дома.

Перевернутые лодки,
Никого на свете нет.
Черный хлеб и кружка водки,
И покой за много лет.

Старый свитер. Окна настезь.
Ветер в душу залетел.
Я иного не хотел
И теперь почти что счастлив.

Острова на горле бухты
Будто жемчуг. Снег. Зима.
Чайки, лодки, снастей рухлядь.
И озябшие дома.

* * *

Холодный март. Предутренняя тишь.
Бредем в обнимку сонною Москвою.
За переменной чувств опять не уследишь —
Какая мелочь вдруг связала нас с тобою?

И в этом сумраке, который — воздух наш,
Благословляю я сердечную неволю.
Единственный огонь, единственную блажь.
И в обездоленность — единственную долю.

* * *

Град привычной несвободы
И бесхитростной любви.
Эти люди, эти воды,
Эти храмы-на-крови...

Странный город. Ненавистный,
И привязчивый, как бред.
Город чужестранных мыслей
И кондовых русских бед.

Прощевай. Свою тревогу
Я с тоской не рассужу.
Сердце выбрало дорогу,
А не вечную вражду.

ПОЭМЫ

ЭКСКУРСИЯ

Вадиму Шуляковскому

1.

Мелькнули речка, храм, погостик,
Мужик на лошади, сарай,
Через канаву сгнивший мостик —
Отчизна, в общем. Чем не рай?
Шофер молодке строит куры.
Соседи за литературу
Ведут серьезный разговор,
Равнин мучительный простор
В окне сменили косогоры.
Трясет автобус. Друг мой злится —
Часами дремлем, но не спится.
Дорогой принято скучать
И версты вздохом помечать.

Попутный ветер дальних странствий
Невозвратим. Обратный путь.
Сквозь непросеянную муть
Январской оттепели. Шансы
Быть на Москве часам к пяти,
Хандра и зверский аппетит.

Остались где-то славный Псков,
И бал в трактире привокзальном,
Грех коллективный, он же свальный,
С полком гостиничных клопов.
А утром — снег, и футболисты
На молодом его ковре,

Высокий купол серебристый
На мгlistой розовой заре.
Иконы, старые мортиры,
Вождей музеи-штаб-квартиры
И, доконавшая меня,
По магазинам беготня.

Потом еще Изборск, Печоры,
Туристов бешеные своры
Повсюду бродят, и разит
Казенным духом реквизит.

Маршрут экскурсии включал
И нашу цель — приют поэта.
Давно паломничество это
Я с верным другом намечал
В надежде тайной причаститься
Секрету русского стиха,
Как перезрелая девица —
Заветной сладости греха.

Служил изгнаннику приютом
Его наследственный удел.
Здесь он два года отсидел
(По-нашему — не без уюта).
Довольно скромное именье.
Общайся с дворней, снег до крыш —
Не позовешь, не убежишь,
Тоска — праматерь вдохновенья,
Прогулки долгие пешком,
Всегда с железным посошком,
Мечты о славе, как о мщенье,
Да писем редких утешенья...

Один поэт сказал, что скудной
Не хватит крови растопить

Сей полюс вечный. Безрассудно
На гору камешки катить.
Остыл и наш сердечный жар,
Под бесконечными снегами,
Где Млечный путь как легкий пар
Висит над снежными стогами.

2

Синичьи горы. Монастырь.
Ветра колючие свирепы.
Снегов осевшие пласты,
Могил полегшие кресты,
И склеп, и маски смертной слепок:
Черты отекавшего лица
В мученье тяжелы и грубы,
Горько-презрительные губы
Как будто полные свинца...

А хорошо, с царями в ссоре
За вольнодумные стихи
Да молодечества грехи
Катить себе назоном к морю,
Где ждут войны и ищут славы,
Иль, на худой конец, любовь,
На поединках, для забавы,
Беспечно льют младую кровь,
Как льют вино на архалуки
В бесчинстве вольных кутежей,
Где зреет среди смертной скуки
Зерно грядущих мятежей...

Клинком, как росчерком пера:
«За конституцию, ребята!»
Мерцают тускло кивера,
Офицера молодцеваты,

Хрустит ледовая кора,
Скользят копыта, ветер вьюжный,
И мясо пушечное дружно
Кричит на площади «ура»!

Тщеславный мальчик, гений резвый,
Блеск штыковых декабрьских лезвий
Ты лицезреть не пожелал,
И предпочел, довольно трезво,
И царский хлеб и царский бал.
А романтический кинжал
Украсил стену кабинета:
Пока не требует поэта
К священной... и et cetera.
Да и жениться уж пора.
Недаром ты еще так молод,
И так блестящ столичный свет,
А на селе скучища, холод —
Ведь ты не схимник, а поэт!
Пусть — высочайшая цензура,
Аль царский страх — не похвала?
И, право же, весьма мила
В архивах рыться синекура.

Есть в мятеже восторг паденья,
Что говорить — душа права.
Но века вызубрив ученье:
Не звери люди, а трава,
Мы с юных лет презреньем к бунту
Врачуем страх — завет отцов,
Страны суровой ставших грунтом
Под косами крутых косцов.

3

Поплыл в окне на кособоре
Полуразрушенный собор.

За ним село явилось вскоре:
Трепал голодный ветер-вор
Знамена в цвет засохшей крови,
Антенны — словно крестный ход,
На покосившемся заборе
Рядком расселось воронье,
В войну играет пацанье,
Еще не ведая о горе —
Вступает в юбилейный год
Московия. Глубокий тыл.
Мечта чего-нибудь отведать.
Однообразен и постыл,
И тянется унылым бредом
Пейзаж. Зевай, считай столбы.
Кругом рабы, одни рабы.

Дитя периода застоя,
Как все, пеняя на устои,
Я умиляюсь старине,
Как этой снежной пелене.
Но не способен ни свободу,
Ни милость к павшему воспеть.
Мне только страшно околеть
Под этим мрачным небосводом.

Январь промозглый, сизый, грязный.
Вид за окном как неотвязный
Мотив острожной песни. Тучи
Плывут, как баржи по реке.
И мелкий-мелкий град сыпучий
Вдруг на шоссе идет в пике.

ПРОВОДЫ

Клубился дым — хоть вешай топоры.
Не до конца врубаясь в перемены,
Толпились по углам и подпирали стены,
Открытое окно спасало от жары.

Хозяйка бегала с подносом, невпопад
Смеялась шуткам, слов не различая,
Закуску подмели, но было вдоволь чая,
И оставался кислый виноград.

Царил наигранный и слишком бодрый тон,
Как перед боем в роте новобранцев.
Приволокли большой магнитофон,
Для фонографии, конечно, не для танцев.

Подняв стакан, сподвижник закричал:
«За встречу там!», и выпил вдохновенно.
На что плечами кое-кто пожал —
Народ был, так сказать, негомогенный.

До хрипа спорили, стоял хмельной галдеж,
На кухне пели, тренькала гитара,
Как перед смертью обнималась пара —
В соседней комнате прощалась молодежь,

Глушила водку без помех, на посошок —
Угар свобод обещанных был сладок.
А где теперь евреям хорошо,
И где их, бедолаг, не переносят на дух

Решали в коридоре старички,
Прошедшие окопы и райкопы,
Два литератора, хватаясь за очки,
Перемывали косточки Европе.

Виновник торжества старательно кивал,
Брал адреса, выслушивал советы,
Запоминал поклоны и приветы,
Жал руки, обнимал и целовал.

Фотографировал Исход домашний врач —
Для государственных архивов и потомства,
И утешал себя за это вероломство
Тем, что И. Флавий тоже был стукач.

Вдруг дверью хлопнуло. Пахнуло из окна
Ночным, промозглым холодом осенним,
И разразилась разом тишина,
Как перед сверхъестественным явлением.

Окно прикрыли — глупо, господа,
Перед дорогой слечь, тем паче, перед дальней.
Но от царившей прежде бодрости нахальной
Вдруг сразу не осталось и следа.

Один бутылоч ряд вдоль стенки расставлял,
По-видимому, просто машинально,
Другой — вслепую в шахматы играл
И про Исход шутил, что все же не летальный.

Какая-то неловкость завелась,
И как из плена вырваться хотелось.
Как будто приближался вынос тела,
И отчуждение захватывало власть.

Но гости не решались уходить,
Топтались у дверей, смолили сигареты,
Простой порог пугал, как берег Леты,
Просили написать, не позабыть.

А предрассветная, синеющая муть
Гасила звезды, маясь озареньем,
Благословляя всех, пускающихся в путь,
Завещанный от мира сотворенья.

Книга вторая

**СТИХОТВОРЕНИЯ
1983-1989**

Ну вот, в 78-ом я, значит, уехал, по новому назначению, в другую историю. И лет пять было не до стихов. Но вдруг... Каким чудом сподобился? Набежало на книжку. Посвятил ее отцу, что в той земле остался. Потому что это была его мечта — уехать, ее силой я и поднялся. А ему — не судьба.

Из записок новобранца

УТРО

Уж роза пепельных ветров
Над Мертвым морем распустилась,
И рвань скитальческих шатров
Отрепьем ведьм зашевелилась,

Сверкают всполохи зарниц.
Должно быть горы с небом в ссоре.
Оскал разграбленных гробниц,
Как зев слепых обсерваторий,

Шумит обвал овечьих стад.
Встают руины из тумана,
И трутся грязные бараны
Руном о ребра колоннад.

Терзают прах Святой земли
Оливы скрюченные корни,
Как ханаанский меч в пыли
Мерцает серп над миром горним.

Но не рожден еще герой.
Деревни спят. Восток алеет.
Шумит птенцов воздушный бой
В пролетах пальмовой аллеи.

Заря над Храмовой горой
На запотевший купол дышит,
И ветерок сухой травой
В оврагах сумрачных колышет.

СТРАШНЫЕ ДНИ

Октябрь уж наступил. Начало Страшных Дней.
Тем, кто не молится, должно быть одиноко.
Горячий воздух. Маревы. Сирокко.
Скучает Рок. Балует суховей.

Толпа мужчин, все с книгами в руках,
Укрытых с головой в молитвенные шали,
Как поле спелое волнуется в печали,
Взорвавшись песней, кается в грехах.

Бессмертный хор, тоскующая рать
Всех под знамена вставших поколений,
Гудит во мне набат твоих молений.
Но я один. И братства мне не знать.

Скорее в горы. В этот сад камней.
Наедине судьбину подытожить.
Витает пух вдоль хлопковых полей
И сердце вьюгой белою тревожит.

Вся жизнь — побег. Душа — дорожный прах.
Заблудший сын, бреду по бездорожью.
Любовь — предубежденье. Совесть — страх.
А жалость — неразрывна с ложью.

Таков багаж. И мгла, куда ни кинь.
Песка и пыли гибельные сонмы.
Наполни грудь дыханием пустынь,
Ленивым, рыжим воздухом бездомным.

БААЛ ХАЦОР

Растаял тверди звездный иней,
Земли туманятся края,
И ночь, как синяя змея,
Уходит руслами сухими.

Холмы плешивы и скалисты,
И ствол оливы неказистой —
Как перекрученный канат.
Дрозденек лопнувший гранат
Багряным клювом ковыряет,
И средь отеческих пенат
Газель по камешкам сигает.

Патруль отправился в объезд.
Уж муэдзин на башню влез
И голосит над миром дольным.
Осел бредет себе, пыля,
За ним мальчишка с хворостиной.
И цвета обожженной глины
Земля.

* * *

Остывают каньоны Эдема,
Первых сумерек кроется синь.
В аравийских барханов гаремы
Уползают исчадья пустынь.

Разгулялись песчаные вихри,
Низко черное солнце летит.
Каменеют солдатские икры
На последнем отрезке пути.

Скала зубы, как сгнившие шпалы,
У руин величавых твердынь,
Молодой бедуин длиннопалый
Режет мякоть сочащихся дынь.

* * *

Прохладней к вечеру. Пошла по склонам ржа.
Над горкой солнце — шлемом светоносным.
С Моава — сумрак дымом папиросным.
Обрывы в оспе гнезд. И суета стрижа.

Уже овраги — русла мертвых рек —
Смутили ночи пепельные чары.
Сгоняют псы заблудшие отары
И первых звезд мерцает робкий снег.

Топчу холма зыбучий, теплый прах.
Застыл на камне ящер пучеглазый.
И пыльный смерч — как глиняная ваза
У гончара в танцующих руках.

ПАСТОРАЛЬ

На вышке, ночью, базу сторожа,
Сырок-зачатку поедал с ножа.

А днем с одним, с кем давний бой сдружил,
Мы на соседний холм ходили по инжир.

Невзрачных коз пацан по склону пас,
Вверх по ступеням каменных террас

Взбирался одичалый виноград,
И завершался этот зиккурат

Гробницей шейха — местный реквизит,
Мы нанесем ему со временем визит.

Да кипарис руины сторожил,
Как я — солдат и старый некрофил.

Патруль да вышка. Сносная еда.
И недосып. И голова седа.

ЛАТРУН

Земля внизу и вровень небеса.
По каменистым склонам убегают
В туман рассветный юные леса.
Простор пьянит, безбрежностью пугая.

Лохмотья неба стираны до дыр —
Всю ночь шел дождь, и ветер был неистов.
Трава свежа, глаза твои лучисты,
И камень желт, щербат, как добрый сыр.

Меланхолично старый кипарис
Пасет олив серебряное стадо,
И виноград роняет медный лист
У монастырской каменной ограды.

Ручьи овец. Нагорье в бигуди.
Кочуют птиц усталые артели.
А монастырский колокол гудит —
Цель знает нас, но мы не знаем цели.

Мы продолжаем опыт на себе
По мере сил и мере разуменья.
В конце концов, ведь истина в судьбе,
А собственная жизнь — лишь довод в рассужденье.

* * *

Над Геенны мертвым лоном
Склон горы из белых плит,
И олив седую крону
Легкий ветер шевелит.

Незаметно солнце село,
Первых сумерек прибой.
И горит Кипат Асела¹,
Словно желудь золотой.

Там, над Храмовой горою,
Где так низок небосвод,
Бесконечным темным роём
Ходит птичий хоровод.

И за этой круговертью
Устремляется душа,
Детской верою в бессмертье
Непростительно греша.

¹ Буквально «Купол над скалой» (*ивр.*). «А» — определенный артикль, часто в русской транскрипции пишется как «Ха», в английском варианте «ha», поскольку этого гортанного звука нет в русском языке. Сама «Скала» эта обросла преданиями: это и краеугольный камень Вселенной, и место жертвоприношения Исаака, и место вознесения Мухаммеда...

БУНТ

Окраин грязные лачуги.
Ходуль усталых колотье.
И словно мумия, в тряпье
Лицо спеленатое туго.

Голодной ненависти порох
Надежно высох. И пращу
Бесстрашно крутит сучий потрох,
За ним рубахи парашют.

Зовет все это «балаганом»
Помолодевший оккупант,
И на плече горит, как рана,
Гвоздики красный аксельбант.

ЗАХВАТ АЭРОДРОМА В ПУСТЫНЕ ПРИ СИЛЬНОМ ВЕТРЕ

Как перед смертью, словно черти,
Пьяны от лезвия косы,
Плясали вычурные смерчи
Вдоль новой летной полосы.

И черной смертью неминучей,
В цветных прожекторных лучах,
Сошла грохочущею тучей
С небес стальная саранча.

* * *

Паруса на горизонте.
Клубы пушечного дыма
Из игрушечных фрегатов
На батальном полотне.

Или — вдруг засемили
По камням ручьи овечьи.
Грязно-белый и кудрявый
Тонкорунный молодняк.

Это небо пробудилось,
Наконец, от летней спячки,
И навязчивые грезы
О летучих облаках

Стали явью.
Осень близко.
Не успеешь оглянуться —
Новый год. Поспеет хлопок.
Мухи белые повиснут
Над проселочным шоссе.

* * *

Люблю зимы робеющей дары...
Кружит снежок над мертвыми дворами.
В горах постов далекие костры
Горят как свечи в сумеречном храме.

Под свежим снегом — свежая зола.
Царапин птичьих клинопись на крышах.
Земля Обетованная сыра
И первозданной ненавистью дышит.

Овец перегоняют пастухи
По снегу талому. Плывут в тумане горы.
Могучей веры темные стихи
Поют бойцы, вернувшись из дозора.

* * *

На крышах горных поселений
Как на ступенях, талый снег.
Здесь не считают поколений,
Река времен свой ровный бег
Стремит вдали, не замечая,
Обетованный уголок,
И лишь невнятный эха слог
Далекий шум ее встречает.

И не хозяин и не гость.
Заблудший сын, гнилая кость.
Приговоренный к жажде мести,
Ты будешь унижений горсть
Таскать с собой, как горсть землицы
Проклятой родины. Не впрок
Обетований поздний срок...

Но как бы ни любили мы
Чужие избы и холмы,
Дымок спаленный жнивы, версты,
Не прикипели б сердцем мертвым,
Но выбор сделан, эти нивы
Оставь за каменным порогом
И к обездоленным оливам
Иди, иди, мой милый. С Богом.

ЕХИДНОЕ

В деревне нашей нынче Судный день.
Все на собрании. Подводятся итоги.
Старик-сосед со шляпой набекрень
Засеменил к районной синагоге.

Обрыдли карты. Сука-скука. Лень.
Детишки с камешками вышли на дороги.
На этот счет тут строги, очень строги.
Так что не рыпайся, милоч, соси женьшень.

А день хорош. Пожру вот и пройдусь.
Уже пора осенняя настала.
Пробилась рыжина. Напоминает Русь.
Из окон запах жареного сала,
Высоцкий, Розенбаум, Окуджава.
Звенит репейник. Реконкиста. Грусть...

* * *

«Не прячься в хоре», — учит Эпиктет.
Вольноотпущенники знают толк в свободе.
Господь не поп, чтоб думать о приходе
И воевать за свой авторитет.

Несет казармою от веры всем полком,
И чем она не идолопоклонство,
Когда задрав зады, колотят землю лбом,
Один — за страх, другой — из вероломства.

Не состою, не числюсь, не служу.
Мне ближе к телу верная рубаха.
«Где нет надежд, не может быть и страха», —
Пока еще твержу для куражу.

ПЕРВАЯ ЛИВАНСКАЯ ВОЙНА 1982 ГОДА

«Вот-вот проливы будут наши...»

Ари Волохонский

Подняв хоругви сионизма,
Врагу предъявим жерла виз —
Возобновленная отчизна
Избавит нас от укоризн.

Уж колесницы Арик тучный¹
Бросает в северную даль
И канонадой благозвучной
Холмов тревожит пастораль.

Сириец бит. Столица пала.
Пусть кипятком в Европе ссут.
Уже потомки Ганнибала
Ключи от города несут.

И уползают ассасины,
Хвосты чугунные поджав,
В зыбучих маяться трясилах
Величьем сгинувших держав.

Кипи, имперская закваска!
И унижения слеза!
Еще взорвется над Дамаском
Терпенья нашего гроза!

И воплотится былью сказка,
Как Герцль некогда сказал.

¹ Генерал Ариэль Шарон, отличался полнотой, о нем ходил анекдот, что это у него не жир, а кожа такая.

* * *

Служу тебе гороховым шутом,
Неистово язвительным артистом,
И не ищу, как веру, верный тон,
А лишь твой взор холодный и лучистый.

Я как объедки с царского стола
Ловлю небрежный дар твоих улыбок
И закусив от счастья удила,
Игры любовной не боюсь ошибок.

Я пережил сей юношеский страх,
И ревность жгучую, и радости господства.
Ни гордость не спасет, ни благородство —
Любовь всегда оставит в дураках.

Л. З. Н.

Выйдем к морю, как держава
После длительной войны —
Взвился парус гривы ржавой,
Ноги медные стройны.

Солнце — вдребезги. Заколка,
Словно мачта. Стрелы брызг.
Яхты пляшут на осколках,
Корпуса тугие — в визг.

Волны встряхивают гордо
Белоснежные чубы,
Лижут каменные морды
И осклизлые столбы.

А над гаванью веселой
Чаек праздничный угар:
Бестолковый, местечковый,
Оглушительный базар.

* * *

Гул штормовой.
Мотает шалаши.
Несется пыль, и пляж вполне безлюден.
Осоловев от одиноких буден,
Фанерный рай сдает нам за гроши
Угрюмый страж-циклоп и глаз его паскуден.

Шторм тербит когтями волн песок.
Базарят в крик встревоженные птицы.
Кто разберет премудрость птичьих склок,
Увы, утрачено искусство ауспиций.
Как ведьма дверца пляшет на крючке,
Не просквозило бы на этом сквознячке.
Рай ходит ходуном, нырнем под одеяло —
Старо, как мир, но мы начнем сначала.

* * *

Передают: в Шомроне выпал снег.
Гром заворчал, столбы качает ветром.
А мы на радостях мотаем километры,
И робкий дух захватывает бег.

Гроза, смеясь, берет нас под крыло.
Играет ветер придорожной пылью.
Вдруг потянуло сыростью могильной,
И, как птенец, забился о стекло

Тяжелый дождь! Хмельные от грозы,
Мы величаем свой прогул побегом,
А заодно и старый «Форд» — ковчегом:
Кров на двоих, и течь дают пазы.

СТАРАЯ ЯФФА

Провонявшая рыбою гавань
Посреди пустырей и трущоб.
Орды кошек и чаек оравы,
Да плетень перевитый плющом.

Мы с тобой на краю Ойкумены,
В ресторанчике «Соф аолам»¹.
За плетнем два синдбада-нацмена
Конопатят свой сказочный хлам.

Дым жаровни. Мотор тараторит.
Дети прячутся в старых сетях.
Запотевшее зеркало моря
Заштриховано мачтами яхт.

Минарет упирается в небо.
Скоро скроется солнечный глаз.
И глашатай утробным напевом
Позовет на вечерний намаз.

¹ Соф аолам (*ивр.*) означает и «край свет», и «конец света».

* * *

Отсюда недалеко —
Тропиночка с торца.
Развалины мечети,
А может быть дворца.

Арабской вязи черви
Кругом кишмя кишат,
И ржавые консервы
С Войны еще лежат.

Испуганные птицы
Под куполом спуют.
На этот раз Аллаху
Спасибо за приют.

Расстелем одеяло,
Хлебнем из фляги спирт —
Проходит мира слава,
Но вечен легкий флирт.

ТРИПТИХ

1

Пройтись зимой по берегу пустому,
По мокрому песку,
Босому...
День снисходителен.
Потешили тоску о дальних странах.
Патрульный вертолет береговой охраны
Ушел за мыс.
В конечном только смысл.

По борту слева — Яффа, крепостица.
Бегут навстречу парень и девица
В купальнике.
«Все бегают», — ворчишь.
Еще отпущено нам целых две недели.
И что дает мне право, в самом деле,
Просить остаться в наших краях?
Родство души, привязанность — все козыри мои.
В лесных колючках это одеяло —
Вот все реликвии.
Хвалю за то, что этого так мало
Тебе.
Да, я тобой горжусь.

2.

Ты мне оставила на память
по холмам
странноприимные руины —
вещий хлам,
обжитый нами,
веточку жасмина
усохшую в «Стихах эпохи Тан»;
дома подруг, сдававших на часок
благочестивые супружеские ложа
за близость к тайне,
да сырой песок
пустынных пляжей
зимним утром ранним;
из нержавеющей стали ножик
потрошить конверты,
дорогу к пустырю,
где ты меня ждала,
простого смертного... —
карманная страна!
Паломник поневоле,
я день за днем кружусь среди святынь,
лелея яд
твоих любовных писем.

3.

Плодами черными увешанный миндаль
В дыму летучем.
Чем не пепелище.
Сирийской дикой сливы —
Песни песней
хмельной весенний дух
тоскующие ноздри ищут,
ловят,
как подыхающая рыба запах моря
сухими жабрами.

Твердыня тамплиеров
В развалинах величественных.
Арки —
мечтательность царей,
а башни —
воля к власти.
Кто Гроб Господень, кто Грааль
искал.
Священная земля
всегда пленяла взоры государей
загаром вечности.

А женщиной владеть —
лишь смерти мстить.

В ущельях тишина — недолог век ручьев.
Ты пишешь, что у вас трескучие морозы?
За северным сияньем, говоришь,
Следить в четыре глаза было б чудо?
И ты б меня тогда поцеловала?..

Соблазны игр эпистолярных.

- Как ты понимаешь, я прочитала с некоторым волнением. Я помню листочки, на которых они были написаны, из советской еще школьной тетради в клеточку...
- Листочков уже не помню.
- А я помню. Я их долго хранила...
- ...Чего делаешь? Какой-то шум странный.
- Гуляю вдоль моря.

ИЗ АРАБСКИХ ПОЭТОВ

Абу-ль-Аля Аль Маари
(X-XI век)

1

Спустилась ночь.
Тогда взошло
Лицо ее
В летучих занавесках паланкина.
И песнь погонщика хранила караван.
Хмельные сном
Вдруг выпрямились в седлах
И обернулись к свету,
Недоумевая.
Но я сказал им:
— Это не луна.

2

Сколько раз
Словно родинка темною ночью,
Когда робкие духом
Седеют от страха,
Мы хотели поймать антилопу силками.
Но она уходила бесшумною тенью.
Только кони, почуяв ее, говорили
С презреньем о людях.

Худой, как сабля — тайна ножен,
Эмир привстал на стременах.
Его кольчуги ливень ожил,
Переливаясь и звеня.

И птичий взор окинул поле:
Спешила конница ко рву,
Прохладный ветер гривы холил
И копий долгую траву.

Книга третья

Постепенно стало доходить, что нынче все пишут верлибром, да и мировая поэзия, начиная с Библии — верлибр. Надо перестраиваться. И показалось, что если оторваться от привычных ритмов и рифм, станет легче и проще выразить мысль. Все-таки речитатив легче пения, особенно, если не вышел голосом.

Сдвиг произошел в 89-ом, в Париже. Я зашел в русский книжный магазин на Сент-Женевьев, там еще работал Струве, я его узнал, но обратиться не решился. Как обычно, кружил от стола к столу, наткнулся на стихи Кривулина и вдруг почувствовал: вот он «речитатив»! Дай, думаю, и я попробую. И так за несколько лет целый сборник сложился.

ЛЕВАНТ
(1989–1994)

На вершине нашей любви,
у края внутренней башни
твердыни Нимрода,
давно взятой-обжитой
дубов-пластунов
низкорослой пехотой,

на вершине нашей любви,
омываемой на закате
клубящимися ручьями туманов,
когда дна не видать — только пламя,
так внизу полыхают озера,
и вечерним дозором
гуляют орлы по ущельям,
не зная неволи,
а темнеющие предгорья
уже подползают —
лесистые спины, исчадья Гагтунгра,

на вершине нашей любви,
среди руин
головокружительного величия,
мне является,
наконец,
счастливое равнодушие
к грядущей скуке
бесконечных перевоплощений.

Сентябрь 1989, Маханаим

* * *

Врой меня в эту синь.
Напои половодьем простора.

Пологие лысые горы
подходят к долине
как львы к водопою.

Нерестилища птиц
в сокровенных глубинах ущелий.
Вдруг срываются весело к солнцу несметные стаи —
тени рябью бегут по иссохшей траве,
будто ветер ленивый
позабавиться вздумал с лоснящейся рыжею шкурой.

Бык Ареса ведет лемеха,
надрезая трофейную землю.
Грязно-желтый Хермон
над беззубым хребтом —
клык щербатый,
с гнилью снега по краю.

Ты видишь?
Я твой
безраздельно.

Сентябрь 1989, Маханаим

* * *

Люблю потоп
За то что город вымер.
Настал наш час.
Пристанище — руины на холме —
Ждет беглецов.
Узка бойница
Как взгляд монгола.
Злится ветер.
Шаманит дождь.
В нейлоновом мешке
Походный драный одр.
Швырну его в глубокий выем ниши
Давно разграбленной.
Два корня, жители расселин
Сплелись в углу.
Взойди ко мне
На каменные нары,
Вкуси уют гробниц.

* * *

Обезлюдело, как в канун субботы.
На севере война. В кафе подают гранаты.
Капли на голых прямых ветках — ноты
Меланхолической осенней сонаты.
Мне зима мила пустыми улицами,
затяжными ливнями,
твоей ласковостью.
Город — наш.
Никто не встретится.
В Синематеке идет «И тогда...» Мориты,
японское «Воспитание чувств»,
наверняка при пустом зале, славно.
В Музей завезли Мунка.
Но душа сейчас не лежит к германцам —
от романтики Валгаллы несет мертвецкой.
В отель, на унижение спешкой?
Решено, останемся.
Времени все равно ни на что не хватит.

У граната корона в виде шестиконечной звезды.
Цвет кожуры кирпичный, жухлый,
как фрески виллы Мистерий,
помнишь, с павлинами?
В ливанскую кампанию
Я однажды попал в гранатовый сад.
Убирать его было некому,
и плоды валялись на земле, лопнувшие, сочащиеся.
Вдруг чей-то крик, разгневанный, нечеловеческий —
бросились туда:
два павлина танцуют над расклеванными гранатами.

* * *

Рядом с заброшенной железнодорожной станцией,
построенной англичанами
в лихорадке колониальной романтики
на месте постоянного двора и почты,
где Гоголь с Базили ждали ослов —
добраться до Назарета,

я читаю его поэму,
расстелив гимнастерку на теплой земле,
на ласкающем прахе.

Вот так я хочу быть прочитан...

Ревнитель дерзости,
измученный безвестностью поэт,
мой приятель,
в своей келье у Стана Иуды,
рынка, шумящего раблезианским буйством,
изучив мои новые стихотворения,
головой покачает, покрутит,
покосится в окно, слово веское молвит:
«Занятно... Прорастает хребет...»

А за окном карнавальная круговерть простонародья,
Крики лавочников, соцветья прилавков.
Жарят мясо. Сгребают гнилье.
Мостовая — палитра плевков.
Жилы сточных канав
набухают от сока раздавленных яств.
У осклизлых решеток —
оправах прожорливых недр,

у картонных завалов
Сторукие цедают слова с хрипотцой,
на свет божий сощурясь,
и шестерка-шустряк тут как тут,
сам с густой и седой шевелюрой,
тащит медный поднос с опивками черного кофе.
Пахнет жизнью. Искусный букет...

Пусть прочтут, как письмо,
что с дороги.
Идет иногда целый век.

1989

* * *

Я вышел вон из кокона канона,
ломая рифм державные ограды.

Тревожной воли хмель.

Братва глубокомысленно гоняет
бумажные драконы дерзких текстов.

Я тоже мастерю.

Тоска от этих игр.

Завоешь вдруг бесхитростную песню.

Но ямб воздушных ям —
иное небо.

1989

* * *

Илье Бокштейну

Мы изредка сталкивались у книжных развалов.
Для разминки предсказав судьбу мира,
он отдавался стихам,
читая их взмахом, с феноменальным проникновением
в логику созвучий,
перестук интонаций,
эхо метафор.
Неожиданно мощный,
решительно отрешенный от мира голос
разил,
как бесстыдная щедрость женщины,
походя дарующей зевакам
свои страшные тайны.

Публика оглядывается-ощеривается
на человека-диковину.
Книгопродавица,
превратностями невольных изгнанничеств
брошенная на литературу,
недолюбливает голодного дервиша,
сетует любезнику на его неопрятность и вороватость.
Любезник,
рыжий-кудрявый,
смахивающий на шустрого трактирного полового,
вознамерился шугануть неугодного —
пришлось вмешаться, преодолевая брезгливость.
Мгновенно распознав в моем тоне
и общей постановке фигуры
опыт безжалостной школы слободских окраин —
еще один сердитый подросток! —
стушевался жлобец.

Изначально не доверяя
мистике поэтических откровений,
я приходил в неожиданное смущение
от загадочной стройности его зауми,
в невольное восхищение
от живописных лохмотьев его метафор,
коими он
с находчивостью опытного нищего,
привольно расположившегося на свалке культур,
украшал свои вызывающе наивные песни.
Случайно один из моих «смысловиков»
вдохновил его на целый веер «вариаций на тему»,
торжественно преподнесенный мне при встрече:
каллиграфический бисер на листочках школьной тетради,
с характерными виньетками на полях
и рисунками большеглазых,
печальнейших
и престранных
существ.

1989

* * *

Дане Зингер

Собрались:

дюжина знакомых и друзей,
и шумная компания поэтов
пронюхавших, что будет нечто.
А на дворе хлестал безбожно дождь,
подергивалось ночи веко —
внезапно вторглись холода,
как финикийцы с моря.

Дрожали свечи,
лютня дребезжала.
Рука иконописная
Держала
Полупрозрачные листы
(блокнотики для писем!)
На отлете.
Осанка, жесты —
фрейлина в опале.
Стихи —
Манерные почти что безупречно,
Как безупречно старомодно платье.
Тон хрупкой дерзости —
отпущены грехи
всем нам,
смиренно и устало, не прощая —
тем выразительней подчеркивал гордыню.
Что губы старило.
Заботлив и пунцов,
муж выглядел юнцом,
весь — верноподданность.
— Какой изыск!
— Причудливость!

— А кротость!?
— Мы в восхищении —
повеял шепоток.

— Однако скованна.
Но мне б на месяц в руки... —
игриво бросил свите местный гений
и одарил присутствие хлопком.
«О, приручать маэстро обожает...» —
сцедил завистник записной
и не соперник.

Задетые отказом дебютантки
сыграть с аборигенами в богему,
пошли одни, толкаясь с ветром
в берлогу Т.,
собрав на три бутылки.
Шел громкий спор
О чинности в стихах.
И в женщинах.
О необузданности.
Дикий хохот-вызов
сопровождал конвульсии зарниц.
Вселенная, как девочка-подросток,
ожидала — будут лапоть —
веселой хватки наглых пустомель.

Меня снедала зависть к вольной жизни.
Силуэт квартала
напомнил вдруг изнеженную Ялту
конца столетия религии прогресса —
отпетых циников уютнейший гнездец.
А там, где я живу,
у побережья —
апофеоз бездомности.
Безликость.
Лагерь беженцев.

1989

* * *

Сергею Гандлевскому

Горячий ветер стучит песком в задраенные окна,
будто ливень стрел в городские ворота.
Бренчу на гитаре да завываю:
«Че-рный во-ооран, что ж ты вье-оошься...»
Внизу
раскрепощенная мразь
животворящего зловонья обетования
сипло орет соседу:
«Коо-би! Ко-би! Маньяк! Це, це квар, мефагер!»¹,
Сбивая настрой безысходной российской удали.
Тупо вперился в телевизор,
где в дупель пьяная от внезапной свободы страница
обсуждает итоги двадцать восьмого съезда.
Ельцин из рядов КПСС вышел.
Солнце плывет в рыжем марсианском мареве.
У Набокова прочитал утешительное:
«Ко всему привыкаешь, подлаживаешься,
Учишься в чужом тебе замечать прекрасное».
Вчера приятель,
еще с оных дней незабвенных
тайной свободы,
поэт ядовитого благоухания тления
отсвирепевшего царства быдла,
постмастодонт,
может стать классик,
нарочито монотонно, как бы равнодушно,
ронял слова

¹ Коби! Сучара! Выдь уже, недоразвитый!

в Культурном Центре евреев из.
В жилу.
*И сразу вспомнишь, как там дышится,
Какая слышится там гамма...*
(Совдекаданс, твои коленца
С российской ржавой хрипотцой,
Твои о праздности боленца...)
Ко всему, из тех двадцати человек,
что пришли послушать,
встретил однокашницу —
влюблен был в восьмом классе,
через неделю в первопрестольную возвращается,
причудлив Ерушалаим.
*Ты там живешь свою подробную,
теряешь совесть, ждешь трамвая,
и речи слушаешь надгробные,
шарф подбородком уминая,*
а нам тут с ассасинами телепаться,
с буйным Богом спорить.
Поди, дознайся потом как кого звали.
Предатели накатают хроники,
В рабство угнанные — псалмы.
Лáма рагшу гойм
у леумím йигхú рик?¹
А бузе быть.
Не пройдет стороною.
Магмы ислама
зловонная лава
хлынет в долины
Волги и Влтавы.
Лопнет от клича
небо над станом:

¹ «Зачем народы мечутся и племена замышляют недоброе?»
(из псалмов Давида)

«Смерть басурманам!
Смерть басурманам!»
Мы — девственная плева на жерле кратера,
Висячие сады веры в незавершенность пути,
Лунная бритва у черных жил Исмаила.
Скалься выкормыш русский,
Смурной от тоски по террору.
Тренькай, песню походную воя —
смерть героям,
смерть героям...
Не с того ли мне нынче
Китайское стихосложение по душе?
По Бокштейну элегии
это поэтическая аристократия.
Белая цапля над тихой осенней рекой,
как островок,
припорошенный снегом неожиданно.
Только очнешься от грез, вспомнишь —
нагрянула старость.

Осень 1989

* * *

Мише Файнерману

Прогуливались вдоль огромных луж
между пустырем, заваленным строительным мусором
и долгим, как стыд, фабричным забором.
Захлебываясь родниковым воздухом страны,
где не милость в чести, а удасть,
выходили к железнодорожным причалам
и молча —
все равно из-за грохота нельзя было разобрать слов —
наблюдали, как проползают мимо
тысячENOжки товарняков.

Когда он, как истребитель из штопора,
выходил из любви,
в нем просыпался ожесточенный, неутомимый спорщик.
Мы были разных вер:
его — сочувствие,
моя — воля.
— Всё кажется, что не кончилась
такая наша особая молодость, -
оправдывался, когда я звал его в путь, -
хочется дожить ее здесь.

* * *

Отравой осени пируют витражи.
Из рваных ртов химер
зеленым ядом вечность истекает
на кружева соборов.

На всех углах поют аккордеоны
Из довоенных песен попури —
толпа пьяна предчувствием упадка.

Вдруг родиной пахнет: дымком из подворотни,
Гнильем с реки, беспечностью к судьбе.
Грядущей жатвы нет, шепчу.
Печальная свобода.

Сентябрь 1989, Париж

ИЗ КАБИНЕТА ПРЕДЧУВСТВИЯ ЗИМЫ

Картина в семь квадратных чи —
Размеры будущего гроба.
Слепые валуны порога
толкаются, как гладкие мячи.

Что муравьи, таскают чернецы
охапки дров.
И неба отчий кров
хранят стихов — литых оград — столбцы.

* * *

Однако дожили.
Пришла эпоха толп,
кровопускания нашествий,
летописцев.

А мы в мечтах состарились.
Смут музыка
не воодушевляет.

Опять повалит гнусь
из всех щелей,
под звон трамвайных окон
на троны уличных трибун
взойдут
на час калифы
горлопаны,
и будут пауки
неспешно сеть плести
для будущих торжеств
паучьих царств.
А мы уже простили.
Мы бережем тепло
последнее
свое.

1989

* * *

Скелет столицы.
Лязгает стекло.
Крутой нордпостмодерн.
Стальные икебаны.

Храм божий теплится,
забытый в переулке.
Вполголоса поют.

Вдоль взломанных путей,
наохлившись,
последние бредут.
Гоняет мусор ветер молодой
в компании с облезлыми котами.
Почти уютно.
Снова начинать, ребята,
лень.
И где?
Кругом война.

1989

* * *

Москва!
Ты была постулатом ига.
А нынче волей пьяна, словно поп-расстрига.

Август 1991

* * *

Время не лечит.
А в письмах
погода,
встревоживший сон,
два-три слова о фильме
напомнившем что-то,
игривый рассказ об интрижке с подругой.
Ты злишься?
Так, стало быть, я существую.
Быть может, удастся увидеться летом?
Иль в этом году ничего не случится:
война помешает,
поездка по службе?
Да я понимаю — какие обеты:
Почтовый роман, дневниковые плутни.

* * *

Рано утром сойду
к моря сонным устам.
Погружая стопу в обмелевшую стынь,
улыбаясь младенчески крепкому ветру,
чахлый взор накормлю синевой,
отпущу за притин —
стая птиц,
опаленных сверкающей гладью,
висит чешуей
над двумя рыбаками в затерянной лодке.
Ешу, брат,
Был ли добрым улов?

Тверия, 1990

* * *

Садится солнце.
Ветер утешает.
Струится степь.
Вдруг в молодой тоске
Почудится
Что жизнь — разбег для взлета.

Кциот, май 1990

СЕМЬ САМУРАЕВ

Преданность рыцаря княжескому дому
полна восторженной жертвенности.

Сие есть преданность
образу возвышенного начала.

Снисходительность рыцаря
к бедам сирых,
его безрассудная приверженность
обязательствам покровительства
данным в минуту душевной слабости
безотрадна.

В жалости — безысходность.

* * *

Наш спор пришел к концу.
Я побежден.
Отныне, присно и бесповоротно.
Хвала тебе, гонитель равенства.
Ты голову носил с такой гордыней,
с такой естественной надменностью —
ломило шею глядячи.

«Брось, люди не равны.
Оставь мечты о братстве крысам».

Величественным жестом
трагика
Зачеркивалась этика.
Весь — воплощенный вызов.

Прими учеником.

* * *

Причудливых мостов упругие хребты
Давным-давно надежно перебиты.
На мертвых площадях скучают монолиты.
Седых ворон гогочущие рты
На дланях пугал каменных расселись.
Трава колючая пробилась из расселин.

Уже играет новая орда,
Священных войн оспаривая почесть.
Мелькнет ее падучая звезда,
Вспоров на миг пучину мрачной ночи.

Из пепла царств взойдет цветущий миф.
Упившись кровью, сдохнут диадохи.
Мудрец в изгнании напишет апокриф.
Его мышами сглоданные крохи
Найдут потомки. Теплый прах эпох
Как удобренье чтит чертополох.

* * *

Вернуться снова к этим берегам,
в рыбацкий порт.
Любуясь колоритом
столпившихся обшарпанных посудин,
потягивать на пару банку пива.
На ржавых стапелях шпаклюют раритеты,
смолу варганят, песенку поют.
Прогулочный корабль «Балдеж»
привез детей, каких-то замухрышек —
счастливые глаза, несносный гам.
И снова тишина.
Похлюпывает тина у причала,
стучат борта,
да песенка Синдбада,
довольно заунывная, скажи,
для бравых моряков?
Холмы сетей вдоль пристани.
Тухлятиной несет.
Рой брызг повис над дамбой.
Зонты открыли, вынесли столы.
Асфальт струей из шланга
Бичует недоросль.
Солнышко печет.
В разгаре утро.
Мы здесь три года не были.
Ты выглядишь прекрасно.

14.1.91 СЕМЬ ВЕЧЕРА

Завтра обещанный дедлайн.
Саддам сжег мосты.
Оправдал, ухмыльнись, надежды.
«Политика — это бизнес», -
отбомбился давеча комментатор,
имея в виду то обстоятельство,
что Саддамушка на высших бухгалтерских не обучался.
А я, большевик недобитый, орал на экран:
— Врешь! Политика — это искусство!
Но не искусство возможного,
а — невозможного!

Смех и грех — оказался Саддам героем
(еще один усатый романтик войн).
Выпускники привилегированных коммерческих заведений,
даст Бог,
прибьют тебя поутру
как бешеную собаку.

РОМАНТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Пуст мрачный замок сердца моего.
По гулким казематам
Брожу,
Единственный их узник и защитник.

Когда-то в этих залах пировали
бродяги рыцари, мечтавшие о славе,
по кельям прятались сомнительные девы
и требовали ласк,
влюбленные в броню.

Бродяги сгнули на тропах безымянных,
легли костями на грозных перепутьях,
разнузданные девы вышли замуж
за деловых людей,
и дюжих конюхов
содержат на конюшнях.

Замок обветшал.
В попытках ум развлечь
беседой с мудрецом, ученым и святым
прошло еще одно десятилетье
в недоумении.
Святой был пресный девственник,
ученый — сроду глуп,
мудрец картишки передергивал, бедняга.

Спасибо случаю, со скуки забегала
Одна с угрюмым юмором особа
Из бывших нереид

(возможно, эти своды
о чем-то в прошлом ей напоминали) —
потискаться, послушать откровенность
отчаянную.

Так и привязалась.
проснулся блеск в глазах,
откуда ни возмись —
простосердечие.
И век бы скоротать
украдкой.
Да дальняя дорога,
видать, удел ее.

Теперь целуйся, брат,
со сквозняком,
слоняйся по чертогам
да любуйся
на запустение.
Загадки пауков по всем углам.
Во чреве погребов крепчает наглый визг
Воинственных исчадий подземелий.

Все реже, реже факел зажигай
чтоб прочитать письмо
с другой планеты:
мольбу бессвязную,
истеричку мечтаний,
бесстыдную тоску — похмелье святотатств.

Пора оуклится.

* * *

Виктор Исаакович внушал:
нельзя требовать от людей подвига —
сие есть признак тоталитаризма.
Вполне революционная идея
для новых нигилистов начала шестидесятых,
отрыжка эры безжалостной святости.

— Откуда у вас, миловидный юноша,
Эта омерзительная эстетика конной лавы?
Буржуазная контрреволюция победила,
грядет эпоха прав человека и частной собственности.

А я ему:
— Человек — ничто. Только щупальце рода.

В ответ пожимал плечами,
кривил свой еврейский нос — дальше некуда.

* * *

Мише Файнерману

Жрец жалости жестоковыйный.
Неловкость прозы — хитрость мудреца.
Беспомощность в стихах — бытийственна,
они теплы на ощупь.

А я когда ж избавлюсь
от тяжкой наследственности
задиристого иудейского пафоса,
от зноя германской романтики
и инфантильной ярости русских нравочений?

Оскомина от рифм.
Казарменные ямбы.
Все мечтаю погулять с тобой по окраине
среди бараков и лопухов.
Я ведь тоже жил в Лианозово
В начале пятидесятых,
когда они
невзначай
создавали там
свои «конкретные» школы
(«пора, пора писать без рассуждений,
с первого взгляда...»).

В день смерти Сталина
мне исполнилось пять лет.
Отец слесарил.

* * *

Стихи — эпохи эхо в раковине уха.
И смерть благодари.
Бессмертье — вечный блуд.

* * *

На каждой травинке
Россыпь мелких улиток —
Сухая роса на увядшем лугу.

Коротка здесь весна.

* * *

Хорошо сидеть в пустом нарядном кафе,
в неурочный час.

Подзаправившись блинчиками,
раскрыть предисловие к Уайтхеду.
Независимость имманентного.

Все еще воображать себя умником,
искателем истин,
мол, приключения мысли — не чета амурным.

День за стеклом нежаркий.
Декабрь в Леванте вроде бабьего лета.
Платаны на бульваре желтеют.
Беззаботное одиночество.
Неужто, наконец, отпустила
эта изнурительная тоска по любви?

* * *

Какие-то блаженные пространства,
где времена кругами ходят,
где ты гуляешь одиноко,
а я кричу издалека,
зову —
разлук здесь не бывает.

Ты в забытии
бормочешь, улыбаясь,
мои стихи из прошлой скудной жизни.
А то, что я писал их, будто зная,
что речь мертва, история свершилась,
придает
особый, ядовитый колорит
наставшей безмятежности.

* * *

Кишмя кишит расхристанная жизнь.
Куда ни кинь — лавчонки, забегаловки, цирюльни,
все сикось-накось, прет, лоснится потом, жиром,
смердит, горланит, яростно цветет
базарами, борделями, портами,
под жерлом солнца.

Вспомнишь тут Москву,
дороги в выбоинах, в лужах маслянистых,
холодный воздух гнилостный, и снег в кровоподте-
ках —
ту худосочную весну...
Угрюмые мешочники, старухи, лиходеи.
Куда несет? Осиное гнездо разворошили.
Чугунных живодеров
сложили на задворках в штабеля.
Осиротели цоколи.
И свежие цветы на них —
Судьба еще открыта.

А я люблю руины завершенья.
Коза пощипывает травку, раздробившую стены храма,
на самодельной дудочке играет пастушок,
пристроившись на сваленной колонне,
где письма победные стирает дождь и ветер.
По кладбищу эпох
гуляют путники, нездешние по виду.
Он и она.
Подыскивают жертвенник по чину
для жадных и бесплодных ритуалов.
Эстетствуют.

* * *

Когда иссохнет сердца лук тугой,
и тетива его звенящая обмякнет,
пустой души колчан
вдруг заблагоухает
прогорклой памятью
каленных стрел гордыни.
Стучится в нем последняя стрела,
чтоб встретить смерти лик
как подобает.

* * *

Присядем здесь.
Неприбраны столы.
Пластмасса в трещинах.
Хозяюшка под мухой.
Дерет втридорога.
Одна отрада — пусто.
С другого края парочка — и все.
«Капульский» рядом празднично забит
вдовицами отцов-конкистадоров,
составивших потом служилый класс
по линии газет и профсоюзов.
Удивлена, как худ —
«Смешно, совсем мальчишка!»
А ты сдала, мой друг, за этот месяц
что я был в армии.

Гляжу по сторонам.
Шутлив-болтлив, дежурные макамы.
Взгляд мечется, как выданный беглец.

С испугом уловил,
что пара на другом конце
вестимо изъясняется по-русски
на сленге Балтера-Аксенова.
Мужик с курчатовской бородкой
пожирает
Салат.
Лицо у бабы — всмятку.
Не выглядят любовниками.
Впрочем...
А мы-то кто,
дружище Дон Жуан?..

* * *

Иосифу Фридману

Дурманом бессмертия рода
Гордыню свободы поправ,
Закружимся с уличным сбродом
В коронах из девственных трав.

Прозреем в мучительных бденьях
Всем ужасом рабской судьбы —
Сулит нам полет иль паденье
Призывное пенье трубы.

Ведомы спасительным чувством,
Дадим себе волю открыть,
Что жизнь по законам искусства
Даруется смертным творить.

* * *

Представь:
пролитый дружно пот — цемент побед —
рот, утрамбованных тяжелым переходом,
молитва на привале,
из-под молитвенных платков — стволы
(я поминал отца,
хотел вернуть свой запоздалый долг любви...),
потом, уплетая сухой паек,
мы молодо ржали, хмельные братством.

В сердцебиении единства
совместных тягот, трапез и молитв
стучится эхом кровь
в дно родовых глубин.

Вдруг,
В ужасе опомнившись,
Почуешь:
все это
в чужом пиру похмелье.

* * *

На покатую сцену
с разъехавшимися досками
ашкелонского дома культуры,
где «одесцит из Ашдода»
в соломенной шляпке, приплясывая,
пел куплетики про алимов,
и ватиков¹, плывущих мимо
(ша, евреи, не шумите, к вам приехал дядя Митя),
где джаз-банда из славного города Николаева
резала «Компараситу» —
скрипочки аж повизгивали под распатланными смычками,
где фея из бара славного города Сыктывкара,
в чудовищном мини
и с голосом неудавшейся опереточной певицы
пела «на тот большак, на перекресток»,
где записной поэт заводской малотиражки, за пятьдесят,
читал о том, как ему в родном Израйле
приснились образа,
на коих дивно «залучились
еврейские навывкате глаза»
(уж лучше — залупились),
а в зале было жарко, как на вокзале:
народ согнали
на предвыборный митинг
в пользу кандидата на пост мэра
господина Арбели, подполковника в резерве,
выучившего по случаю «аден за псех — псе за одного», —

¹ «Олимы» — новоприбывшие, «ватики» — новоприбывшие со стажем (русско-ивритский сленг).

вдруг
ты выпорхнула,
едва не споткнувшись,
в сказочно сверкающем бальном платье
и — даже дети перестали смеяться —
случилась испуганная тишина
(«костюм — первое дело, они ж тебе не за танцы платят,
что они понимают в танцах,
а за костюм!»).
Ты была немного скована.
Из-за меня.
Час в машине туда, час обратно,
Плюс короткая остановка на чашку кофе
В уже опустевшем торговом мегаполисе —
Все наше свидание, первое.
Прощаясь, ты неожиданно подалась ко мне.
Короткая стрижка с чубиком.
Вороненок.

* * *

Струится и дрожит упругий воздух.
Душистый луг — еще день-два — пожухнет.
Белесых бабочек, простушек-однодневок
Завеса, сонмище, густой тяжелый снег.
Сквозь эту пелену —
Торжественные танцы важных птиц
Под сухокрылый ветер стрекоз —
Май месяц.

* * *

Плато Голан лобок побритый
и ляжки тяжкие пустынь.
Нить Иордана — раковины створ.
Гор красных Иудеи и Моава
раскрылись лепестки
над Морем Соли.
Щель обетованья.

**Новые и не вошедшие
в сборники стихотворения**

ЗИМНИЙ НАЗАРЕТ

Ты чист, мой бедный Назарет,
пока еще не стаял снег,
вчерашний снег, такой несмелый,
такой веселый, легкий, белый...
Благая весть твоим холмам
Твоим соборам и домам.

Чужой и грязный Назарет,
неловкий, мелкий, онемелый.
Над колыбелью мертвой веры
Торчит турецкий минарет,
Несет помойкой из низины,
Как волки, воют муэдзины,
Под небом серым.

5.5.99

В АЛЬБОМ Р.

Меланхолия гитары.
Между делом тары-бары.
От вина душа в огне.
Философия на дне.

Обниму тебя без слова,
Счастье, позднего улова.
Бог с тобой, и не люби.
Только леску не руби.

16.4.99

* * *

Горький губ твоих изгиб,
гордый, грешный.
Лягу под твои шаги
Пылью нежной.

Долгожданную стопу
как Завет приму.
Каменя, обниму,
стану — след.

27.4.99

* * *

Вокзал уже угомонился.
Последние спешили прочь.
Огни зажглись. А вот и ночь.
Пора.

Парнишка с девушкой, в солдатских гимнастёрках,
целуются-прощаются —
сколько ж у них рук...
А рядом вещмешки, к которым прислонились автоматы.

Вот девушка уходит.
Мимо нас
плывет довольная.
Косится с любопытством
Как из аквариума.

Неужто всё?
Позволено в последний раз, как спруту, присосаться...
Вдруг, судорога — ты меня целуешь.
«Память тела...», — роняешь, криво усмехаясь.
И мертвый взгляд глядит в меня бесстыдно.

14.9.99.

ПЕРВЫЙ ВАЛЬС

Зимнее солнце
Сквозь облака.
Горсть серебра
В топь молока.

Быстро темнеет
Моря стена.
Белые гребни,
Как письма.

Строки уходят
В мокрый песок.
Солнце упало.
Берег высок.

В белых барханах
С синей луной
Птиц караваны
Черной волной.

Январь 1999

ВТОРОЙ ВАЛЬС

Руины Стратоновой Башни.
Зарылся в песок акведук.
Смеешься уменью обнявшись,
Не выпустить руки из рук.

Что было и будет — не важно.
Лишь музыка волн на слуху.
Твой взгляд из-под кепочки пляжной
И солнце на самом верху.

А я золотую травинку
Жую и смотрю в никуда.
Давай, как на фотопластинке,
Останемся здесь навсегда.

31.5.99

* * *

Плачет небо ночное камнями.
Вот луна над пустыней взошла,
Утопив в золотистом тумане
Монастырские купола...

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Я здесь и не бывал
полночную порой.
Случайно занесло.
Стою у берега —
предпраздничные пробки.
Сентябрьский сонный ветер
шевелит духоту.
Толпа течет вдоль моря.
Недавно здесь царили пустыри,
Развалины, рыбацкие кофейни.
А нынче берег — бонбоньерка:
Бар «Ричард Лев Арье», бар «Бонапарт»,
вот ювелирное: «Сокровища царицы Савской».
Все новенькое, в цвете и стекле,
сверкает, стилизованно-стерильно.
За окном —
пять тысяч уж семьсот шестидесятый.
Не хрен собачий, вроде, набежало.
Однако — ни следа
мучительных тысячелетий,
ни на одном лице,
ни в речи человеческой.

Да-да, моленные дома
забиты до отказа, знаю, знаю.
Тут вспомнят все. Споют. Почувствуют экстаз
причастности.
Бог в помощь, братья — дело свято.
Но без меня.
Включу-к погромче негритянский блюз...

19.9.99. Канун Судного дня

* * *

Когда получается
стихотворение,
радуешься,
как победе в арьергардном бою
своей обреченной,
вечно отступающей,
но все еще злой
армии.

* * *

Придется убить всех.
Слить их черную кровь в песок.
Мы выкосим их с улыбкой косца,
Дождавшегося радостной жатвы.

7.10.2001.

ВАН ГОГ

Черные птицы обугленных душ.
Золотое спелое поле.
Красно-бурая колея.
Сполохи воронья.
Будто души уносит воля
Иссиня-черного неба
В свои пожирающие края...

1997

* * *

Голая сцена театра
пугает всех.
Жизнь идет в кулуарах
и ни к чему не обязывает,
хоть и полна утех.
Экстаз смешон.
Откровение — моветон.
Поэты важничают.
Искусство скучно.
Научно.

* * *

Зима в Хевроне.
Сеет мелкий дождь.
Холодный дождь кремнистого нагорья.
Пустые улицы, бредущая толпа.
Солдаты. Комендантский час.
Хоронят поселенца.
Вчера убит ножом.

ИЕРУСАЛИМСКАЯ ХАНУКАЛЬНАЯ

Солнце зимнее ласкает.
Мандарины поспевают.
И девчонка напевает
Под гитару у ворот.

Продает баранки рядом
В разноцветье маскарадном
Краснощекий карапет,
Он давно здесь, тыщу лет.

Налетай, мол, вкусно, барин!
По-арабски он зашпарит,
И к баранкам мне подарит
Соль и пряности в кульке.

Феску старую поправит,
Страшный рот пустой ослабит,
И отвалит налегке.
Стены Храма вдалеке
Стены Храма вдалеке...

* * *

Какие-то люди —
Сплошь не из нашего века.
Здесь вообще времени нет —
Пытка вечностью
 для обычного человека.
Натерпишься страху,
Даже у Сфинкса
веки содрали нахуй.

2001

ЯПОНСКОЕ

* * *

Дождя уже нет.
С крепких молодых листьев
Скатываются тяжелые капли.
Хорошо забыть о тебе!

* * *

Ржавый броневик
Времен Войны за Независимость
Тонет в море ромашек.
Любит — не любит?

* * *

Проталкиваясь в учительскую
Мимо раскрасневшихся школьниц,
Ловлю их вспыхивающие взгляды
И так весело,
Будто жизнь впереди.

* * *

День всепрощенья миновал.
Пустые пляжи.
Все чаще похороны.
Классная погода.

**Переводы с иврита
Май-июнь 2016**

Авраам Бен Ицхак

ЭЛУЛЬ НА БУЛЬВАРЕ

Путаются робко
Сонные огни.
Мельтешат на тропке
Тени, словно дни.

Гонит мусор летний
Ветра помело,
И встает последний
Листик на крыло.

Словом губы тронет,
Улыбнется мне.
И бульвар утонет
В мертвой тишине.

Лея Гольдберг

ПОКАЯНЬЯ

Я слепая, мой кумир.
Ты — мой взгляд в просвет бойницы.
Ночь пришла к полночной птице
Подарить ей целый мир.

И всплывут из этой мглы
Имена и духи детства,
Запах сосен и смолы,
Страх потерь и муки бедствий.

Парус боли, весла строчек —
В мглистой памяти плыву.
Отпусти меня, дух ночи,
Дай поплакать наяву.

СТИХОТВОРЕНИЕ
БЯЛИКА «НАДНЕДА́» (КАЧЕЛИ)

Раз-два взяли, раз-два взяли,
Вверх да вниз, взлетели — пали.

Листик кверху, листик вниз,
Чья то воля, чей каприз?

Снизу горы, сверху тучи,
Только я и прах летучий

Между небом и землей,
Ты да я, да мы с тобой.

Рахель Блуфштейн
(Последнее стихотворение)

МЕРТВЫЕ МОИ

Только вы остались в этот трудный час.
Беспощадной сталью смерть не тронет вас.

Там, когда остынет торопливый день,
Тишина обнимет, приголубит лень.

Навсегда завершен, крепок наш завет.
Только звук потерян, не найти вовек.

ЭПИЛОГ

Предзакатный покой.
Клин вдоль моря летит.
Над зеркальной водой
Улеглась туча-кит.

В море редко волна.
Ветра нет, ветра нет.
И царит тишина,
И ласкающий свет.

Солнце в пасти кита.
Но явилось опять.
Будто кровь пролита
На блестящую гладь.

Растревожен покой.
Только ночь не палач —
Все вернется, ты пой.
Все вернется, не плач.

Октябрь 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

Будто вылетело сердце.....	9
«Точила осень третий Рим...».....	11
«Распахнуло утро дверцу...».....	12
«Таает лес в тумане...».....	13
«Прносятся стаи...».....	14
«Облетает пух...».....	15
«Пустая дача. Мокрый снег...».....	16
«Уйти! Сломать судьбу!..».....	18
«Стояла осень. Утром ранним...».....	19
«Моя прогулка одинока...».....	20
«Люби меня, хоть ты меня люби!..».....	21
«Мы от Михайловского замка...».....	22
«Весенней меланхолии парад...».....	23
«Такого лета не бывало!..».....	24
«Увы, как быстро отлетает...».....	25
«Старый пес лениво лаает...».....	26
«На крупах медных буцефалов...».....	27
«Однажды ночью я шагал...».....	28
«Прошли суворовцы и танки...».....	29
«Она сидела у окна...».....	30
«Черный хлеб и кружка водки...».....	31
«Холодный март. Предутренняя тишь...».....	32
«Град привычной несвободы...».....	33
Экскурсия.....	34
«Мелькнули речка, храм, погостик...».....	34
«Синичьи горы. Монастырь...».....	36
«Поплыл в окне на косогоре...».....	37

Книга вторая

Утро.....	43
Страшные дни.....	44

Баал Хацор	45
«Остывают каньоны Эдема...»	46
«Прохладной к вечеру. Пошла по склонам ржа...»	47
Пастораль.....	48
Латрун.....	49
«Над Геенны мертвым лоном...»	50
Бунт	51
Захват аэродрома в пустыне при сильном ветре	52
«Паруса на горизонте...».....	53
«Люблю зимы робеющей дары...»... ..	54
«На крышах горных поселений...».....	55
Ехидное	56
«“Не прячься в хоре”, — учит Эпиктет...»	57
Первая Ливанская война 1982 года.....	58
«Служу тебе гороховым шутом...».....	59
Л. З. Н.	60
«Передают: в Шомроне выпал снег...»	62
Старая Яффа	63
Триптих	
1. «Пройтись зимой по берегу пустому...»	65
2. «Ты мне оставила на память...»	66
3. «Плодами черными увешанный миндаль...»	67
Из арабских поэтов	
1. «Спустилась ночь...»	69
2. «Сколько раз...».....	69
3. «Худой, как сабля — тайна ножен...»	70

Книга третья

Левант	73
«Врой меня в эту синь...»	74
«Люблю потоп...».....	75
«Обезлюдело, как в канун субботы...»	76
«Рядом с заброшенной железнодорожной станцией...».....	77
«Я вышел вон из кокона канона...».....	79
«Мы изредка сталкивались у книжных развалов...»	80
«Собрались...»	82
«Горячий ветер стучит песком в задраенные окна...».....	84

«Прогуливались вдоль огромных луж...»	87
«Отравой осени пируют витражи...»	88
Из кабинета предчувствия зимы	89
«Однако дожили...»	90
«Скелет столицы...»	91
«Москва!..»	92
«Время не лечит...»	93
«Рано утром сойду...»	94
«Садится солнце...»	95
Семь самураев	96
«Наш спор пришел к концу...»	97
«Причудливых мостов упругие хребты...»	98
«Вернуться снова к этим берегам...»	99
14.1.91. Семь вечера	100
Романтическая баллада	101
«Виктор Исаакович внушал...»	103
«Жрец жалости жестоковыйный...»	104
«Стихи — эпохи эхо в раковине уха...»	105
«На каждой травинке...»	105
«Хорошо сидеть в пустом нарядном кафе...»	106
«Какие-то блаженные пространства...»	107
«Кишмя кишит расхристанная жизнь...»	108
«Когда иссохнет сердца лук тугой...»	109
«Присядем здесь...»	110
«Дурманом бессмертия рода...»	111
«Представь...»	112
«На покатую сцену...»	113
«Струится и дрожит упругий воздух...»	115
«Плато Голан лобок побритый...»	116

Новые и не вошедшие
в сборники стихотворения

Зимний Назарет	119
В Альбом Р.	120
«Горький губ твоих изгиб...»	121
«Вокзал уже угомонился...»	122
Первый вальс	123

Второй вальс	124
«Плачет небо ночное камнями...»	125
Новогодняя ночь.....	126
«Когда получается...»	127
«Придется убить всех...»	128
Ван гог.....	129
«Голая сцена театра...».....	130
«Зима в Хевроне...»	131
Иерусалимская ханукальная	132
«Какие-то люди...»	133
Японское.....	134

Переводы с иврита

Авраам Бен Ицхак

Элль на бульваре.....	135
-----------------------	-----

Лея Гольдберг

Покаянья	136
----------------	-----

Рахель Блуфштейн

Мертвые мои.....	138
Эпилог	139

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована в 2023 році

Наум Вайман

РАЗБЕГ ДЛЯ ВЗЛЕТА

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. № 2762

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 17

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 14.01.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Наум ВАЙМАН — поэт, прозаик, эссеист, журналист, переводчик. Родился 5.3.1947. Из автобиографии: «...детские годы в коммуналках, Институт Связи, стихосложение на лекциях, работа на заводе, женитьба, отцовство, маята, духота, ожесточение, мечты о бунте или побеге. В феврале 1978-го отбыл по новому назначению. В другую жизнь, в другую историю».

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

